

открылись первые проплешины, запахло оттаявшей землёй.

В саду всегда найдётся работа. Я подхожу к завязанным островерхими конусами кустам смородины, перерезаю бечёвку, помогаю кустам распрямиться, разгребаю сапогом кучку зернистого, тяжёлого, как дробь, снега. В нос ударяет острый, настоявшийся запах смородины. Живой, волнующе-тёплый... Видать, копился всю зиму и наконец вышел на волю. От него слегка кружится голова и становится кисло во рту.

Бабочка на снегу

Иду на лыжах по скованному мартовским утренником насту.

Сухой рассыпчатый снег даёт идеальное скольжение. Спешу накататься, пока солнце не поднялось выше и снег не набряк влагой.

Пухлые желтоватые «цыплятки» вербы-бредины пылят золотистой пылью. Приствольные снежные круги оттаяли отвесно до самой земли (значит, и весна нынче будет крутая, дружная).

В низине лежит лёгкая голубоватая дымка. Слышится весёлое треньканье переживших зиму синиц.

Выйдя на прогретую солнцем опушку, замечаю жёлтое порхание. Что это? Неужели бабочка? Лимонно-жёлтая, лёгкая, как вздох весеннего ветра, она опустилась на край льдистого заструга и, развернув крылья-локаторы на солнце, грелась.

Позднее, заглянув в справочники, я узнал, что это была крушинница. Её иногда ошибочно называют лимонницей или капустницей, хотя к огородам она не имеет никакого отношения. Живёт в лесной чаще, откладывает яички на листьях крушины. Ими и питаются её гусеницы. Поздние бабочки с наступлением холодов прячутся под опавшими листьями и зимуют под снегом. Промерзают насквозь – их крохотные, размером чуть больше песчинки сердечки перестают биться. Но с наступлением тёплых весенних дней «трупники» оживают и пускаются в полёт. Если вам повезёт увидеть бабочку на снегу – не удивляйтесь. Порадуйтесь этому крохотному чуду природы.

Верность духу Джалиля

послесловие

Первая встреча с Рафаэлем Мустафиным врезалась в мою память, будто это произошло только вчера. Весной 1967 года я послал в Московский литературный институт им. М. Горького на творческий конкурс свои стихи. Конкурс был большой – свыше двухсот человек на место, и надежда, что пройду через это сито, была ничтожной. Какова же была моя радость, когда из Москвы пришло известие, что я выдержал конкурс и в начале августа должен ехать в столицу сдавать вступительные экзамены. От такой новости у меня вскружилась голова, и я даже перестал ходить на лекции в Казанский государственный университет, где заканчивал второй курс. Дескать, зачем учиться на отделении журналистики университета, когда ждут тебя в Литературном институте самой Москвы. Мечта же моя не журналистом стать, а поэтом.

Чувствовал себя необыкновенно окрылённым, выбрал лучшие свои стихи и понёс их в редакцию журнала «Казан утлары» («Огни Казани»). Заведующий отделом поэзии Нури Арслан, поправляя свою седую гриву, пробежал глазами по моей рукописи и, взяв меня, как школьника, за руку, повёл к главному редактору

Рафаэлю Мустафину. «Наслышан про тебя, наслышан, – встретил меня главный, как старого знакомого. – Учиться в Литинституте это, конечно, хорошо. Из наших его окончили Габдрахман Абсалямов и Рашит Гарай. А стихи твои дадим посмотреть члену редколлегии Хасану Туфану. Одобрит – напечатаем. Жаль, что университет бросаешь, – один из старейших и именитых в стране. Но ты сам себе хозяин, только не пришлось бы потом раскаиваться. – Сказал так, задумался и продолжил: – До августа-то ещё порядочно времени... Чем три месяца кормить клопов в общежитии, поработай-ка у нас, в редакции. Сейчас у журнала подписная кампания, поедешь по районам, поможешь нам, да и сам опыта наберёшься.

Это предложение было для меня большой неожиданностью. Надо же пригласить на работу в такой авторитетный журнал какого-то мальчишку, на данный момент ничего из себя не представлявшего, даже в районной газете и дня не проработавшего, а всего лишь мечтавшего стать поэтом!

Начиная с этого дня Рафаэль-абый Мустафин стал для меня как бы путеводной звездой. С каждым годом я открывал в нём всё новые и новые качества. Многогранность его интеллекта, широта души, честность, прямота – всё свидетельствовало о том, что на нашем литературном небосклоне заняла своё достойное место несомненно крупная личность.

В течение нескольких месяцев работы в редакции журнала «Казан утлары» рядом с Рафаэлем Ахметовичем я получил очень важные для себя жизненные уроки. Он наравне разговаривал не только с сотрудниками и авторами, приходившими в редакцию, но и с начинающими поэтами, прозаиками, совсем мальчишками, как я, не проявляя при этом ни йоты менторства или высокомерия. Простота, естественность, демократизм были одними из главных черт его характера. Поэтому и в редакции царил дух товарищества, каждый делал своё дело с любовью, от души, без нервозности и суматохи. Чтобы оправдать доверие главного редактора, я целыми месяцами не вылезал из районов, оформив в итоге подписку на тысячу с лишним человек. Узнав об этом, он собрал всю редакцию и в торжественной обстановке вручил мне изумрудного цвета гармошку.

...Когда стоял я у тела не дожившего до своего 80-летнего юбилея писателя, воспоминания о далёких счастливых днях прокрутились в моей голове, как кадры убыстрённой кинохроники.

В чём же жизненный и творческий секрет писателя Рафаэля Мустафина? Однажды наш великий певец Ильгам Шакиров сказал: «Я не верю, что из плохого человека может получиться хороший писатель». Возможно, некоторые и не согласятся с этими словами. Талант порою развивается обособленно от нравственных основ человека. Но ведь и Пушкин говорил о несовместимости гения и злодейства. И тут писатель Рафаэль Мустафин, на мой взгляд, как никто другой, всей своей жизнью и творчеством подтверждает утверждения вышеназванных столпов культуры, олицетворяет единство таланта и добродетели, борцовскую, даже героическую натуру художника и правдоискателя, который не может молчать, если даже его правдивость угрожает личной безопасности.

Весной 1968 года, то есть через год после нашего знакомства, Рафаэль Ахметович открылся для нас всех совершенно с неожиданной стороны.

Но всё по порядку.

В апреле должен был состояться съезд писателей Татарстана. Я тоже получил пригласительное письмо. К тому времени в результате общения в Литинституте с вольнолюбивыми собратьями по перу из разных стран, различных национальностей во мне выросли и укрепились такие понятия, как «свобода слова», «демократия», «равноправие», и я с этим «багажом» вернулся на родину, как раз

к съезду писателей. Трудно себе представить трибуну выше и представительней, чем писательский съезд. Я собрался выступить, но не тут-то было. Меня быстро остудили, сказав, что не дадут слова. А я хотел сказать, что во всех союзных республиках для молодёжи выпускается по несколько журналов, а у нас ни одного, по возрастному параметру – только для детей. У нас в республике должен быть свой молодёжный журнал, площадка для молодых литературных дарований. Когда узнал, что слова не дадут, то мы с друзьями по университету изложили свои требования на сотнях экземпляров листов бумаги. В день съезда с поэтом Зульфатом мы должны были запустить листовки с балкона театра Г. Камала.

На другой день театральный зал, в котором собрался съезд, был полон писателями, гостями из разных республик, партработниками, представителями спецслужб, любителями литературы; в президиуме – писатели-аксакалы, руководители областного комитета партии, высокие гости... Было довольно шумно. Когда слово дали главному редактору журнала «Казан утлары» Рафаэлю Мустафину, воцарилась тишина. Всё-таки это был руководитель уважаемого и популярного литературного журнала, тираж которого превышал 100 тысяч экземпляров; это был писатель, литературный критик, завоевавший популярность не только у нас в республике, но и далеко за её пределами. После обзорного выступления о произведениях литературы последних лет Рафаэль Мустафин резко изменил плавное русло своего выступления и стал говорить о татарских книгах, газетах и журналах, которых до революции было на порядок больше, чем теперь, в советское время. В качестве доказательства он приводил убедительные цифры, называл издания, а некоторые из них он поднимал высоко над трибуной и демонстрировал онемевшему залу и поражённому президиуму, по членам которого будто электрический ток пробежал. Собравшиеся и опомниться не успели, как на них полетела белая туча листовок с нашим воззванием. Можно было подумать, что всё было заранее спланировано, что эта двухсторонняя акция, демонстрация свободы мысли и слова были организованы по специальному сценарию. Безусловно, связь между двумя этими событиями была. Но сценаристом тут явилась сама история. Это было уже время, когда татарская интеллигенция, люди творчества стали пробуждаться от долгой зимней спячки. В их устах всё чаще слышались слова заботы о судьбе нации, о проблемах национальных прав, литературы, культуры в целом. В этом была большая заслуга и журнала «Казан утлары», печатавшего на татарском языке свободлюбивые произведения, и, конечно, его главного редактора, человека широкого кругозора и передовых идей. А мы, молодые поэты, были благодарными шакирдами, прошедшими школу журнала «Казан утлары», его главного редактора Рафаэля Мустафина и хорошо усвоившими уроки «нового джадидизма». Поэтому совпадение мыслей и действий Учителя и его учеников были вполне естественными.

Разиль Валеев

